

Все писатели

Великобритания

Ф

14.11.2017 [Генри Филдинг \(Henry Fielding\)](#) 787

Историзм Филдинга (на материале «комических эпопей»)

0

Поделиться:

Историзм Филдинга

М.Г. Соколянский

Понятием «историзм» литературоведы оперируют давно и охотно, придавая ему категориальный смысл. Между тем в интерпретации этой категории среди исследователей нет единства. В последнее время проблема историзма все больше занимает историков литературы, и понятие, не приобретя еще минимальной терминологической четкости, начинает обрастать эпитетами. Из книг и статей можно узнать, что историзм бывает: последовательный, глубокий, прогрессивный (должен, по-видимому, существовать и реакционный), подлинный, псевдоисторизм и т.п.

Но что же есть историзм?

Очевидны трудности, встающие перед теоретиком литературы, который пытается дать ответ на этот вопрос. Существующие определения, однако, трудно признать удовлетворительными. В. Кожин в статье: «Историзм», помещенной в К ой Литературной Энциклопедии, утверждает, что «историзм в литературе —

«рабочее» определение должно помочь ответить на вопрос, из чего складывается этот процесс «художественного освоения конкретно-исторического содержания эпохи».

Авторы изданного в Украине «Словаря литературоведческих терминов» полагают, что «историзм применительно к литературе означает учитывание художником особенностей описываемой эпохи, правдивое изображение в произведении характерных ее черт». Думается, что такое определение не удовлетворит специалистов. Помимо тавтологии («особенности эпохи» — «характерные ее черты») оно содержит неопределенное понятие «характерные черты»: ведь историографами разных времен «характерные черты» одной и той же эпохи мыслятся неадекватно.

В работе С. Асадуллаева «История, теория и типология социалистического реализма» проблеме историзма посвящена объемная глава. Однако автор и не пытается дать определение понятию, которым оперирует на каждом шагу, а лишь в заключение призывает исследователей к историческому изучению литературы, дабы их концепции не противоречили «духу принципа историзма». По сути, автор смешивает разные понятия: историзм литературного творчества и историзм литературоведческого исследования.

В упомянутой выше статье В. Кожина имеет еще и дополнительное определение: «... историзм есть прежде всего способность схватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах...». Поскольку глагол «схватить» не имеет специфически литературоведческого толкования, то охарактеризованной В. Кожинным способностью может, очевидно, обладать и философ, и историк, и каждый мыслящий образованный человек. Речь идет, таким образом, об историзме как характеристическом признаке мышления отдельной личности или общественного сознания.

Нетрудно заметить, что в нашем литературоведении бытуют два толкования понятия «историзм»:

 - система исторических взглядов или понимание основных историко-социальных проблем;

По существу, речь идет о двух взаимосвязанных, но разных явлениях. Историзм первого рода не является специфическим для художественной литературы, хотя, как правило, является обязательным условием историзма в творчестве писателя. Наиболее четко сказал об этом Б.В. Томашевский в известной статье «Историзм Пушкина»: «... Не следует смешивать историзм как определенное творческое качество с объективным фактом обращения к исторической теме... Историзм предполагает понимание исторической изменчивости действительности, поступательного хода развития общественного уклада, причинной обусловленности в смене общественных форм...».

Историзм в первом смысле — качество аналитического мышления; литературоведов же, кроме того, интересует проблема историзма во втором смысле, историзм «как определенное творческое качество». «Можно изучать исторические воззрения Толстого, как они выражены в известных исторических отступлениях его романа «Война и мир», — пишет Д.С. Лихачев, — но можно изучать и то, как протекают события в «Войне и мире». Это две разные задачи, хотя и взаимосвязанные. Впрочем, думаю, что последняя задача важнее, а первая служит лишь пособием (далеко не первостепенным) для второй...»

Несомненный вклад в разработку этой сложной проблемы внесли исследователи жанровой специфики исторического романа, хотя каждого из них — и это закономерно — интересует принцип историзма и его проявления лишь в пределах изучаемой жанровой модификации. В то же время наблюдения Б.Г. Реизова над генетической связью между романами Скотта и английским романом XVIII в. и замечания А.А. Елистратовой об историзме романистов-просветителей приводят к мысли, что историзм романа — порождение более раннее, чем исторический роман.

Малая эффективность попыток дедуктивного решения проблемы историзма (когда авторы дают определения, а затем «примеряют» их на живые явления искусства) позволяет предположить, что на первой стадии изучения предпочтительнее идти индуктивным путем. Для этого следует, очевидно, во-первых, ограничиться изучением историзма сначала применительно к стдельному жанру, а не к жанровому многообразию; во-вторых, в границах одного жанра рассматривать, генезис историзма на основных стадиях

Говоря об историзме романа, несомненно, корни этого явления следует искать в литературе английского Просвещения.

* * *

Автор обстоятельной монографии о Сенкевиче И.К. Горский высказывает мнение, что «принцип историзма — принцип сознательного отображения временной обусловленности» — открыт В. Скоттом. Эта точка зрения очень распространена: историзм — порождение литературы XIX в.

Правда, И.К. Горский говорит об историзме как творческой категории; другие же авторы считают, что и историзм мышления был незнаком литераторам до XIX в. Со сторонниками такой концепции убедительно полемизирует С.В. Тураев: «... По иронии судьбы, автор, обличающий XVIII век за отсутствие исторического мышления, сам поддается соблазну действовать на основе метафизической методики Декарта и Буало. Между тем уже Иоганн Готфрид Гердер опроверг нормативную эстетику и предложил новый исторический взгляд на культуру. Как известно, спор о том, кто выше — древние или новые, — разрешился к удовлетворению обеих сторон: каждый хорош на своем месте. Это было началом историзма...».

«... Во все века у людей вошло в практику жаловаться на порочность своего времени, равно как восхвалять ценности и добродетели своих предков, — писал Генри Филдинг в своем «Ковент-гарденском журнале» (1752). — Нетрудно выделить несколько исторических эпох, которые были объектами сатиры, равно как и панегириков. Последующие века воздали хвалу определенным периодам времени и представили их как образец потомству; между тем времена эти, если верить жившим тогда историкам, а также сатирикам, изобиловали всеми видами порока и беззакония. Нынешний век, несмотря на некоторый прогресс как в нравах, так и в искусстве или науке, не чужд таких строгих суждений...». Вездесущая филдинговская насмешка направлена против антиисторических суждений о нравах, знании, искусстве.

Правота С.В. Тураева несомненна: антиисторичными выглядят попытки полностью отказать всем просветителям в историзме мышления. Остается открытым вопрос об историзме в их творчестве.

просветителей. Произведения просветителей и их предшественников о минувшем могут рассматриваться лишь в качестве зародыша исторического жанра — только как звенья его предыстории...». В рамках разговора об историческом романе это суждение исследователя справедливо, но, исходя из этого, отказывать всей просветительской литературе в историзме неправомерно. Ведь принцип историзма может проявляться не только в исторических жанрах; «историзм необходим не только в книгах о минувшем». Итак, в поисках истоков историзма в западноевропейской просветительской прозе целесообразно обратиться не к историческому жанру, а к роману о современной жизни.

Думается, точнее многих других определил принципиальную примету историзма в литературном творчестве Б. Эйхенбаум, когда писал, что в прозе Ю. Тынянова «исторический корень извлечен из всех эпизодов, людей и вещей...». Здесь метафорически выражена самая суть историзма. Некоторые сомнения в этом лаконичном суждении может вызвать лишь слово «всех»; наверняка в жизнеописаниях вымышленных героев: Уэверли и Квентина Дорварда, Петра Гринёва и Барри Линдона, Пьера Безухова и Кшиштофа Педро — найдутся эпизоды, которые, не колеблясь, можно расположить под рубрикой «безотносительно к истории».

Итак, отправляясь от формулы Б. Эйхенбаума как «рабочей», заменим лишь слишком категорическое «всех» на временное и неопределенное «некоторых» и попытаемся представить, из чего складывается тот процесс, который исследователь назвал «извлечением исторического корня».

* * *

С давних пор искусство читало содержание каждой эпохи в нравах. Нравы обусловлены эпохой, эпоха проявляется в нравах. Эта связь обнаруживается уже в лучших плутовских романах XVII в. и тем более в «Дон Кихоте», автор которого по-своему исследовал не только нравы, но и моральные отношения между людьми. Стержневая антиномия в романе Сервантеса — антиномия нравственная: нравственность Дон Кихота входит в противоречие с нравственностью меняющегося мира; в социально обусловленном нравственном конфликте можно увидеть столкновение эпох.

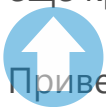
обусловленность учитывали и Дефо, и Филдинг, и Смоллетт, и даже Стерн; нравственная практика их героев несет на себе отпечаток времени.

За примерами можно обратиться хотя бы к «написанному в подражание манере Сервантеса» роману Филдинга «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга Абраама Адамса», дающему весьма точное представление о нравах английской большой дороги первой половины XVIII в., о взаимоотношениях представителей разных социальных слоев Англии той поры.

Показательно замечание У. Хэзлитта об этой книге Филдинга: «Я далеко не уверен, найдется ли в каких-нибудь подлинных документах той эпохи столь удовлетворительный очерк общего состояния государства, моральных, политических и религиозных чувств времен правления Георга II, с каким мы встречаемся в «Приключениях Джозефа Эндрюса и его друга м-ра Абраама Адамса».

Однако детерминирующая нравы эпоха может мыслиться и в рамках полустолетия или даже столетия; в такой отрезок времени вписывается история не одного поколения, и то, что в границах этой эпохи для одних было современностью, для других становилось прошлым. К примеру, Георг II, время которого вспоминает Хэзлитт в связи с «Джозефом Эндрюсом», пробыл на английском престоле с 1727 по 1760 г.

Романисты восемнадцатого столетия ввели в обиход некоторые средства более точной «привязки» действия к историческому времени. К примеру, герои Филдинга, говоря о своих интересах и эстетических вкусах, сплошь и рядом оперируют фактами современного писателю искусства. Вкусы фигурируют у Филдинга как параллель нравам. В одном из «Семейных писем к Дэвиду Симплю» сестры писателя Сары Филдинг (написанном, как предполагают, самим Генри Филдингом) есть такое суждение: «... существует строгая аналогия между вкусами и моралью века...». Оценки, которые герой дает явлениям современной жизни (в том числе и искусству) характеризуют не только его индивидуальность, но и его время. В «Дон Кихоте» и даже в «Джозефе Эндрюсе» такого рода оценки еще крайне редки, «История Тома Джонса» уже изобилует ими.

Приведем некоторые примеры. Вестерн «всегда высказывался против утонченнейших произведений мистера Генделя». Его сестра, еще живя в Лондоне,

1724 г. В седьмой главе тринадцатой книги герои прибывают в лондонский маскарад, где, по выражению Филдинга, «правит Хейдеггер» — реально существовавшее лицо, устроитель великосветских балов, осмеянный еще Филдингом-поэтом в 1728 г.

В личной библиотеке Партриджа уже давненько («они немного потрепаны») хранятся «Робинзон Крузо» Дефо и переводы А. Попа из Гомера и т. д. Действительно, вкусы персонажей не только характеризуют их век, но и позволяют установить более точные временные рамки действия.

Резкое увеличение количества таких оценочно-вкусовых суждений у Филдинга (сравнительно с предшественниками) вызвано, несомненно, более общими соображениями. Не случайно писатель называет три лучших своих романа «историями»: не «путешествия», как у Свифта, и даже не «приключения», как у Дефо или Смоллетта, а именно «история». Сближая роман с историей, Филдинг, с одной стороны, расширяет круг явлений, по поводу которых герои высказываются (включая в этот круг и социально-политические явления современности); с другой стороны, пользуется сугубо романическими средствами.

Некоторая временная неопределенность, характерная для «Джозефа Эндрюса», дает себя знать и в первых двух книгах «Истории Тома Джонса». «...В той части западной половины нашего королевства, которая обыкновенно называется Сомерсетшир, жил недавно, а может быть, и теперь живет дворянин по имени Олверти...» — так начинается вторая глава первой книги романа. Но две первые книги — еще не история, а предыстория Тома Джонса: лишь в начале третьей главы первой книги мы узнаем о его появлении на свет, а действующим лицом романа он становится лишь в начале третьей книги. Если исключить, помимо первых двух глав первой книги, информативную последнюю главу восемнадцатой книги — своеобразную постисторию, — то все остальное действие укладывается в двадцать лет и восемь месяцев (начиная с третьей книги, Филдинг указывает, какова продолжительность описанных в каждой книге событий). Наиболее значительные события в жизни двадцатилетнего Тома Джонса укладываются в рамки двух месяцев (книги VI-XVIII), и именно на этом отрезке времени индивидуальная судьба Джонса пересекается с историческими судьбами Англии.

знаменами герцога Камберлендского, возглавлявшего экспедицию правительственных войск против мятежников, предводительствуемых Чарльзом-Эдвардом Стюартом — Молодым Претендентом. Таким образом, маршрут отряда указан точно. Он тот же, что и у Хогартовских солдат с картины «Поход в Финчли». Да и нравы у них такие же.

Упомянутое описание имеет не только пространственные, но и четкие временные координаты: высадка молодого претендента произошла в августе 1745 г., а в апреле 1746 г. его армия была окончательно разгромлена. Итак, события VI-XVIII книг «Истории Тома Джонса» относятся к осени 1745 г.

Заметим попутно, что упомянутые исторические события специально интересовали и других английских романистов. Т. Смоллетт, написав по поводу апрельских событий 1746 г. оду «Слезы Шотландии», рассуждал о попытке реставрации Стюартов в своей «Истории Англии», часто высказываются об этих событиях герои его последнего романа «Путешествия Хамфри Клинкера». К этому же времени относится действие первого романа Вальтера Скотта «Уэверли».

Историческая «прописка» упомянутой сцены в таверне не может быть неожиданной для читателей «Истории Тома Джонса, найденыша». Уже в шестой книге мы узнаем о политических разногласиях в семействе Вестернов: сквайр — якобит, его сестра привержена к Ганноверской династии. В уста миссис Вестерн автор вкладывает суждение: «Дела наши на севере идут так хорошо, что я, кажется, плясать готова». (Это один из многих примеров знаменитой филдинговской иронии: дела правительственных войск шли тогда далеко не блестяще, но миссис Вестерн пользуется информацией лондонских газет).

Начиная с описанного эпизода в таверне индивидуальная судьба героя очень часто ставится в определенное соответствие истории. Показательны в этом отношении многие главы, описывающие встречи Тома Джонса с солдатами: 11-15 главы седьмой книги, 2-3 главы восьмой книги, 4-7 главы девятой книги. В 9 главе восьмой книги Том Джонс и Партридж, придерживавшиеся разных взглядов по поводу происходящего в стране, спорят о якобитах и Молодом Претенденте. Во второй и шестой главах одиннадцатой книги хозяин гостиницы ошибочно принимает Софию Вестерн за любовницу претендента Дженни Камерон — реально существовавшее лицо. Аналогичный мотив использовал позже и

барабана, зазывающего на представление кукольного театра, полагает, что перед ним войско Чарльза-Эдварда. Можно назвать еще ряд эпизодов, где аналогичным образом указывается на историческое время.

Всю фабульную часть романа — собственно историю Тома Джонса можно условно представить как смену (линейно упорядоченное множество) ситуаций (эпизодов), опираясь при этом на принцип однособытийности. Начиная с разладов в семьях Олверти и Вестерна (книга шестая) и вплоть до женитьбы Тома на Софье (книга восемнадцатая), фабульная часть романа членится весьма легко; примеры выделенных эпизодов — бегство Софьи из дома, встреча Джонса с солдатами, остановка в Глостере и т. п. Из тридцати одного эпизода, вычлененного таким образом, десять эпизодов исторически маркированы. Этот ряд эпизодов — примером может служить та же сцена с солдатами в таверне — находится в определенном отношении к реальному историко-событийному ряду, в то время как остальные (их двадцать один) эпизоды истории героя безотносительны к историческим событиям.

При всем этом множество исторически маркированных эпизодов составляет лишь третью часть всех эпизодов романа. На причину подобного явления указывает М. Бахтин: «Человек до конца невоплотим в существующую социально-историческую плоть... Всегда остается нереализованный избыток человечности...». Сюжетным выражением этой не реализации являются исторически немаркированные эпизоды из жизни героя. Правда, избыток, о котором пишет М. Бахтин, может быть количественно разным. Если произвести аналогичное выделение эпизодов в романе Вальтера Скотта «Уэверли», то нетрудно убедиться, что здесь ряд ситуаций из жизни героя, соотнесенных с историко-событийным рядом, охватывает большинство эпизодов; в отличие от действующих лиц скоттовских романов персонажи Филдинга находятся на периферии (и не только географически) историко-политических событий. Так, на сюжетном уровне исторический роман — художественное открытие Скотта — даже количественно отличается от просветительского романа, историзм которого очевиден.

Интересно, что и содержание вставной новеллы — рассказа Горного Отшельника — соотнесено с историей Англии. Отшельник называет год своего рождения — 1657, вспоминает исторические события, современником и даже участником

Горный Отшельник называет свой рассказ, как сам Филдинг — свои романы, историей:

«Краткая история Европы». В этой «истории» с учетом «точки зрения» персонажа можно прочитать и отношение самого Филдинга к отдельным историческим событиям.

В начале каждой из восемнадцати книг романа Филдинг точно (или с максимальным приближением к точности) определяет временные границы действия, причем продолжительность действия в разных книгах может быть весьма различной: от нескольких лет до нескольких часов. Свой принцип оперирования художественным временем Филдинг изложил в первой главе второй книги.

Итак, Филдинг-повествователь, не боясь пустот, устремляется к «материям значительным»; и чем более значительны изображаемые в той или иной книге романа события, тем меньший отрезок времени заключен в этой книге. Уже давно исследователи заметили, что очень цельный роман Филдинга легко поддается членению на три части, у каждой из которых свое место действия: у первых шести глав — поместье, у последующих шести — дорога в столицу и у заключительных шести — Лондон. Время действия первой части (не учитывая «предыстории» героя) — около двадцати лет и семи месяцев, время действия заключительной части — один месяц. Центральная часть, описывающая всего лишь двенадцать дней из жизни героя, является во многих отношениях наиболее важной. Кстати, именно здесь в VII-XII книгах — Филдинг вновь, как и в «Джозефе Эндрюсе», обращается к сервантесовскому типу романа — «роману большой дороги».

Именно в этой части личная судьба героя сплошь и рядом пересекается с историей: ряд событий, составляющих «дорожный» период жизни героев Тома и Софы, в своей большей части соотносится с рядом исторических событий осени 1745 г. в Англии. Книга седьмая, содержащая описание первой встречи Джонса с солдатами, охватывает три дня; книга восьмая, содержащая продолжение рассказа о Джонсе и солдатах, а также «Историю» Отшельника, охватывает почти два дня; и, наконец, время действия девятой книги, в которой Джонс расстается с Отшельником и в последний раз встречается с отрядом, охватывает всего

«значительные материи». Их значительность обуславливается среди прочих факторов соотносительностью с историей, и это дополняет наше представление об историзме Филдинга, проявляющемся и на композиционном уровне.

В английской прозе эпохи Просвещения есть немало книг, в которых — несмотря на повествование от третьего лица — автор часто вступает в непосредственный разговор с читателем. В «Истории Тома Джонса» мы к тому же регулярно встречаемся с обособлением авторской точки зрения, каждая из восемнадцати книг романа открывается главой, содержащей авторские рассуждения. Помимо этого, и в других главах нередко авторские отступления. Иногда эти его суждения создают автору дополнительную возможность «привязать» действие романа к истории. Ограничимся двумя примерами.

В XI главе первой книги, говоря о мисс Бриджет Олверти, Филдинг замечает:

«...Я попробовал бы нарисовать ее портрет, если бы это уже не было сделано более искусным мастером, самим мистером Хогартом, которому она позировала несколько лет тому назад; недавно джентльмен этот сделал ее особу достоянием публики на гравюре, изображающей зимнее утро...». Здесь точкой отсчета времени является время, в которое творит известный художник, и еще точнее — время создания широко известной гравюры.

В другом случае, описывая миссис Партридж, Филдинг воплощает свою иронию в иную синтаксическую конструкцию, но с тем же ключевым словом:

«Позировала она моему другу Хогарту или нет, я не берусь сказать...». В первом случае было установлено прямое временное отношение между персонажем и точкой отсчета: мисс Бриджет — Уильям Хогарт и его гравюра «Утро». Во втором случае посредником выступает личность автора: известный читателю художник — друг и современник автора. Таким образом, можно сказать, что в первых главах книг и в авторских отступлениях Филдинг часто соотносит во времени персонажа, личность автора и событие (название, имя), время которого читателю заведомо известно.

* * *

Попытаемся сделать некоторые выводы и определить пути «извлечения исторического корня» в просветительском романе на примере лучшей книги

В плане идеологической и социально-психологической характеристики персонажа. Изображение нравов и вкусов, несущих в себе некоторое указание на эпоху.

В плане сюжета. Соотнесенность событийного ряда личной судьбы героя с событийным рядом истории (в данном случае — истории Англии).

В плане композиции. Продуманное оперирование художественным временем, когда значительность описанного события обратно пропорциональна обозначенной продолжительности эпизода.

В плане повествования. Использование личности автора как посредника между персонажами и историческими лицами.

В разных романах **Дефо**, Филдинга, **Смоллетта** можно обнаружить действие различных факторов историзма (из выше перечисленных), иногда — изолированно друг от друга, чаще — в своеобразном переплетении. Но, пожалуй, «История Тома Джонса, найденыша» — единственный просветительский роман, историзм которого есть результат действия всех четырех факторов, взаимосвязанных в художественной целостности.

Трудно сказать, какой из этих путей «извлечения исторического корня» доминирует в книге Филдинга, имея в виду весь роман. Несомненно, что в центральных шести книгах («большая дорога») с особой силой проявился филдинговский принцип оперирования художественным временем, взятый впоследствии на вооружение многими романистами. Для VII-IX книг прежде всего характерен историзм в плане сюжета.

Л-ра: Филологические науки. – 1974. – № 1. – С. 34-42.

Биография

Произведения

- [Дон Кихот в Англии](#)
- [История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса](#)
- [История Тома Джонса, найдёныша](#)

Критика